Незнакомая дочь

Автор:
Элена Ферранте

Незнакомая дочь

Элена Ферранте

“Незнакомая дочь” – это тонкая и психологически выверенная проза, роман одновременно мрачный и вдохновляющий. У главной героини, профессора итальянского университета, внешне все неплохо – взрослые дочери живут отдельно, но регулярно звонят ей, бывший муж адекватен, она отдыхает в приятном местечке у моря… Но все ли благополучно в ее прошлом? Что заставляет эту красивую сорокалетнюю женщину вмешиваться (причем с опасностью для себя) в жизнь совершенно вроде бы чужой соседки по пляжу? Автор книги, Элена Ферранте, – личность загадочная, предпочитающая оставаться в тени своих книг. Неизвестно даже, пользуется ли она псевдонимом или пишет под собственным именем. Ее романы переведены на 40 языков, и в 2016 году она вошла в список 100 самых влиятельных людей мира по версии еженедельника Time.

Элена Ферранте

Незнакомая дочь

© Edizioni E/O, 2006

© Е. Тарусина, перевод на русский язык, 2020

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2020

© ООО “Издательство Аст”, 2020

Издательство CORPUS ®

Глава 1

Я почувствовала себя плохо спустя час после того, как села в машину. Бок жгло огнем, но я решила этого не замечать. Забеспокоилась, только когда поняла, что нет сил держать руль. За несколько минут голова сделалась тяжелой, свет фар словно потускнел, и вскоре я вообще перестала осознавать, что веду машину. Мне стало казаться, будто я сижу на берегу моря в самый разгар дня. На пляже пусто, вода спокойная, но на шесте в нескольких метрах от береговой кромки развевается красный флажок. В детстве мама напугала меня, сказав: “Леда, не ходи купаться, когда на шесте красный флаг: он означает, что на море сильное волнение и ты можешь утонуть”. Страх так и остался у меня на долгие годы, и даже сейчас, хотя вода напоминала лист прозрачной бумаги, вытянувшийся до самого горизонта, я не решалась войти в море, мне было тревожно. Я сказала себе: сходи искупайся, этот флаг просто забыли снять с шеста… сделала несколько шагов по песку, остановилась и, вытянув ногу, осторожно попробовала воду кончиками пальцев. И тут на вершине дюны появилась моя мать и окликнула меня, как будто я все еще была ребенком: “Леда, ты что делаешь? Не видишь, красный флажок висит?!”

В больнице, открыв глаза, я снова на долю секунды увидела, как стою в нерешительности у спокойного моря. Возможно, поэтому позднее у меня возникла уверенность, что это был не сон, а тревожное видение, длившееся до самого пробуждения в больничной палате. От врачей я узнала, что врезалась в заграждение, но без серьезных для себя последствий. Единственным существенным повреждением была рана в левом боку, происхождение которой у всех вызывало недоумение.

Ко мне примчались друзья из Флоренции, прилетели Бьянка и Марта, даже Джанни приехал. Я сказала, что уснула за рулем и съехала с дороги. Но сама-то хорошо знала, что сон тут ни при чем. Первопричиной стал мой невольный поступок, и именно потому, что он был совершен неосознанно, я решила никому о нем не говорить. Сложнее всего рассказать о том, чего сами мы толком не

понимаем.

Глава 2

Когда мои дочери переехали в Торонто, где уже много лет жил и работал их отец, я с удивлением и легким смущением обнаружила, что совершенно не страдаю, а наоборот, чувствую необычайное облегчение, как в тот момент, когда произвела их на свет. В первый раз за без малого двадцать пять лет я больше не испытывала тревоги за них, не должна была о них заботиться. Дом как будто стал необитаем: в нем царил полный порядок, и меня не донимали мысли о том, что пора что-то купить, что-то постирать; женщина, много лет помогавшая мне по хозяйству, нашла более прибыльную работу, а я стала искать ей замену.

У меня осталась только одна обязанность перед моими девочками – раз в день звонить им и интересоваться, как они себя чувствуют и как у них дела. Хотя в действительности они поселились у отца, по телефону обе общались со мной так, как будто уже нашли себе отдельную квартиру: они привыкли даже на словах держать нас с отцом вдали друг от друга и говорили со мной так, будто его не существует вовсе. На вопросы о том, как они живут, отвечали либо весело и уклончиво, либо мрачно и раздраженно, с тяжелыми паузами, либо неестественным тоном – когда находились в компании друзей. Сами они тоже часто мне звонили, особенно Бьянка, которая всегда была более настойчива и требовательна ко мне, – но только чтобы выяснить, подойдут ли синие туфли к оранжевой юбке, не могу ли я найти листки с записями, оставленными в такой-то книге, и срочно ей отправить, и готова ли я, как обычно, терпеть вспышки их злости, переживать вместе с ними их неудачи, даже теперь, когда мы живем на разных континентах и нас разделяет огромное небо. Звонки почти всегда были короткие, торопливые, реплики – искусственные, как в кино.

Я делала то, о чем они просили, отвечала так, как они от меня ожидали. Но поскольку из-за пролегавшего между нами расстояния я физически не могла повлиять на их жизнь, а удовлетворять их желания и капризы мне теперь приходилось реже и я уже не несла за это ответственности, все их просьбы казались мне приятными мелочами, а каждое их поручение – обычным проявлением нежности. Я чудесным образом обрела свободу – словно наконец завершила трудную работу и она больше не давит на меня.

Теперь я жила без оглядки на их расписание и их потребности. Ночью правила студенческие работы и слушала музыку, ложилась спать в берушах, вставала далеко за полдень. Ела один раз в день в одной и той же траттории – в цокольном этаже нашего дома. Во мне произошли стремительные перемены – в манере одеваться, настроении, даже во внешности. Меня совершенно перестали раздражать и слишком глупые студенты, и несносные умники. Один мой коллега, с которым мы несколько лет встречались и изредка занимались сексом, как-то вечером смущенно заметил, что я стала более внимательной к нему и более щедрой на ласки. За несколько месяцев я изрядно похудела и вновь стала стройной, как в молодости, у меня возникло ощущение, что я набираюсь сил; к тому же я начала быстрее и лучше соображать. Однажды вечером я посмотрела на себя в зеркало. Мне было сорок семь, до сорока восьми оставалось всего четыре месяца, но я заметила, что, словно по волшебству, сбросила порядочное количество лет. Не знаю, обрадовало меня это или нет, но уж точно удивило.

Именно пребывая в этом состоянии довольства, в начале июня я захотела в отпуск и решила, что, как только разберусь с экзаменами и бесконечными отчетами и прочей бюрократией, сразу же поеду к морю. Поискала в интернете, изучила фотографии и цены. И в итоге сняла с середины июля до конца августа маленькую, симпатичную и к тому же недорогую квартирку на Ионическом побережье. Но уехать мне удалось только двадцать четвертого июля. Я не спеша отправилась в путь на машине, нагруженной в основном книгами: мне нужно было подготовить курс на следующий учебный год. День был прекрасный, в открытые окошки врывался насыщенный ароматами воздух, я чувствовала, что свободна и что мне за это не стыдно. Однако на полпути, когда я заправляла машину, мною овладело беспокойство. Раньше море мне очень нравилось, но вот уже лет пятнадцать пребывание на солнце раздражало меня, я быстро от него уставала. Квартира наверняка окажется ужасной, вид на море – узким ломтиком синевы между неприглядными хозяйственными постройками. Скорее всего, я буду страдать от жары и оглушительной музыки, доносящейся из ночных клубов. Остаток пути я пребывала в мрачном настроении, размышляя о том, как славно могла бы провести летние недели дома, в тишине, работая в свое удовольствие и дыша прохладным кондиционированным воздухом.

Я приехала на место, когда солнце склонялось к закату. Курортный городок показался мне довольно красивым, звуки голосов – мягкими, запахи – приятными. Меня уже поджидал пожилой мужчина с густой белоснежной шевелюрой: он был радушен и в то же время почтителен. Для начала он выразил желание угостить меня кофе в баре; затем с улыбкой, но решительно дал

понять, что не позволит мне самой донести до квартиры ничего, кроме дамской сумочки. Задыхаясь, он втащил на четвертый, последний, этаж всю мою поклажу и поставил ее у порога скромного жилища, состоящего из спальни, крошечной кухни без окон, смежной с ванной комнатой, и гостиной с панорамными окнами и террасой, откуда виднелись окутанные сумерками берег с торчащими языками скал и бескрайнее море.

Мужчину звали Джованни. Он не был хозяином квартиры, скорее кем-то вроде сторожа или консьержа; однако он не взял у меня чаевых и даже немного обиделся: он просто соблюдал законы гостеприимства, а я этого не поняла. Когда Джованни, удостоверившись в том, что меня все устраивает, наконец ушел, я увидела на столе в гостиной большое блюдо, полное персиков, слив, груш, винограда и инжира. Фрукты переливались красками, словно натюрморт.

Я перенесла плетеное кресло на террасу, посидела там некоторое время, любуясь вечером, медленно опускавшимся над морем. Много лет мы ездили к морю только потому, что у девочек наступали каникулы, а когда они подросли и стали путешествовать по миру с друзьями, я всегда сидела дома и ждала их возвращения. Конечно, меня тревожили возможные катастрофы – ведь летать на самолете очень опасно, плавать на кораблях еще хуже, а война, землетрясение или цунами вообще могут случиться в любой момент, – но не только они. Я беспокоилась о том, что у девочек хрупкая нервная система, что они могут не поладить с товарищами по путешествию, что они не застрахованы от душевных травм из-за неразделенной любви… или, наоборот, слишком легко разделенной. Я старалась всегда быть готовой ответить на неожиданную просьбу о помощи, боялась, что они, как это часто бывало, обвинят меня в том, что я невнимательна, что в нужный момент меня никогда нет, что я занята только собой. Но теперь с этим покончено. Я встала и отправилась в душ.

Вскоре, поняв, что проголодалась, я подошла к блюду с фруктами. И сразу обнаружила, что инжир, груши, сливы, персики, виноград, на вид такие красивые, уже перезрели, начали портиться. Я взяла нож, вырезала большие черные пятна, но почувствовала отвращение к этому запаху, этому вкусу и выбросила почти все в мусорную корзину. Конечно, можно было выйти из дома, поискать ресторан, но от усталости я расхотела есть и меня стало клонить в сон.

В спальне было два больших окна, и я распахнула их, выключив свет. Снаружи время от времени вспыхивали в темноте лучи фар, на несколько мгновений озаряя комнату. Нельзя приходить вечером в незнакомое помещение, где

очертания нечетки и запросто может случиться все что угодно. В халате, с мокрыми волосами, я улеглась на кровать и уставилась в потолок, ожидая, когда по нему снова скользнет свет и он станет ослепительно белым. Услышала далекий шум лодочного мотора, потом тихое пение, похожее на мурлыканье кота. Все было смутно, размыто. Сонная, я повернулась на бок и коснулась какого-то предмета, лежавшего на подушке: что-то холодное, будто обернутое в веленевую бумагу.

Я включила свет. На белоснежной наволочке сидело какое-то насекомое длиной три или четыре сантиметра, похожее на большую муху. Темно-коричневое, с перепончатыми крыльями, неподвижное. Я сообразила, что это цикада, и подумала, что она, быть может, сдохла прямо на моей подушке. Тронула ее краешком халата. Цикада шевельнулась, но тут же снова замерла. Самец или самка? У самки на животе нет эластичных мембран, а потому она не поет, она немая. Меня передернуло от отвращения. Цикады не так уж безобидны, они ранят своими хоботками оливы, прокалывают кору белого ясеня и высасывают соки. Я осторожно взяла подушку, подошла к окну и стряхнула насекомое. Так и начался мой отпуск.

Глава 3

На следующий день я уложила в сумку купальники, большое полотенце, книги, распечатки, тетради, села в машину и поехала по бежавшему вдоль берега шоссе на поиски пляжа. Минут через двадцать справа появился сосновый лес, потом я заметила указатель парковки и остановилась. Навьюченная вещами, перешагнула через ограждение и ступила на тропинку, красноватую от опавшей сосновой хвои.

Мне очень нравится запах смолы, потому что в детстве я все лето проводила на пляжах, а они начинались там, где заканчивался сосновый лес. Тогда их еще не заливали цементом, на котором наживается каморра. Смолистый аромат сосен был для меня запахом каникул и беззаботных летних игр. Потрескивание сухой шишки, ее шумное падение с ветки, темные маленькие семена-орешки напоминают мне о матери, о том, как она, смеясь, разгрызала скорлупки, вытаскивала желтоватые ядрышки, угощала моих сестер, которые громко требовали добавки, или меня, молча ждавшую лакомства, либо же клала орешки

себе в рот, пачкая губы темной пыльцой, и, чтобы отучить меня от излишней робости, назидательно говорила: “А тебе не дам. Беда с тобой: ты хуже зеленой сосновой шишки”.

Лес был густым, с буйным подлеском, стволы деревьев, выросших под напором ветра, казалось, отшатывались назад, страшась грозного моря. Я старалась не споткнуться о пересекавшие тропинку блестящие корни и замерла от неожиданности, когда у меня из-под ног выскочила пыльная ящерица и проворно скрылась из виду, юркнув за границы солнечного пятна. Спустя пять минут передо мной появились дюны и море. Я прошла мимо росших прямо из песка эвкалиптов с искривленными стволами, свернула на деревянные мостки, проложенные среди зеленых зарослей тростника и олеандров, и оказалась на чистом, ухоженном пляже.

Место мне сразу понравилось. Внушили доверие и вежливый, дочерна загорелый мужчина за кассой, и скромный молодой спасатель, не с накачанными мышцами, как это обычно бывает, а высокий и очень худой, в майке и красных шортах. Он проводил меня к зонтику. Песок был белый, мелкий как пудра; я долго купалась в прозрачной воде и немножко позагорала. Потом устроилась под зонтиком со своими книгами и спокойно проработала до заката, наслаждаясь легким бризом и быстро меняющимся морским пейзажем. Я работала, мечтала, бездельничала, время пролетело незаметно, и я решила, что буду приезжать сюда каждый день.

Не прошло и недели, как это превратилось в привычку. Я пересекала лес, где все мне нравилось: и сухое потрескивание сосновых шишек, которые открывались на солнце, и запах маленьких зеленых листочков мирта, и тонкие полоски отслоившейся коры, свисавшей со стволов эвкалиптов. Пробираясь по тропинке, я представляла себе зиму, застывший в ледяном тумане сосновый лес, мышиный терн, усыпанный красными ягодами. Каждое утро мужчина на кассе радостно и учтиво приветствовал меня. Я покупала в баре кофе и минеральную воду. Спасатель по имени Джино, наверняка студент, предупредительно открывал мой зонт и раскладывал лежак, а потом прятался в тень и – пухлые губы приоткрыты, взгляд сосредоточен на странице толстенной книги – принимался черкать карандашом, явно готовясь к экзамену.

Вид этого юноши приводил меня в умиление. Обычно, подсыхая на солнце, я засыпала, но иногда только прикрывала глаза и с интересом подглядывала за ним, стараясь, чтобы он этого не заметил. Судя по всему, он был непоседой, его красивое тело постоянно нервически двигалось и вертелось, свободной рукой он

ерошил черные как смоль волосы, теребил подбородок. Моим дочерям он бы очень понравился, особенно Марте, которая моментально влюблялась в сухощавых нервных юношей. А может, он и в моем вкусе тоже. Я нередко замечаю, что от меня самой во мне теперь очень мало, зато очень много – от них. Вот и на Джино я смотрела глазами Бьянки и Марты, с учетом их склонностей и пристрастий, какими я их себе представляла.

Молодой человек был поглощен чтением учебника, однако у него, похоже, имелись датчики, не связанные со зрением. Стоило мне подняться, чтобы передвинуть лежак в тень, как он вскакивал и предлагал свою помощь. Я улыбалась, отрицательно качала головой: как будто мне никогда не приходилось перетаскивать лежак! Мне вполне достаточно было чувствовать себя в безопасности и не думать о сроках, о неотложных делах. Никто теперь не нуждается в моей опеке. И для себя самой я тоже перестала быть обузой.

Глава 4

Молодую мать и ее дочку я заметила далеко не сразу. Не знаю, были ли они на пляже, когда я появилась там впервые, или стали приходить позднее. Прошло три или четыре дня после моего приезда, прежде чем я обратила внимание на довольно шумную компанию неаполитанцев, детей и взрослых. Мужчина лет шестидесяти со свирепым выражением лица, четверо или пятеро ребятишек, устраивавших жестокие схватки в воде и на суше, коротконогая, с полной грудью, расплывшаяся беременная женщина лет сорока, которая то и дело перемещалась с пляжа в бар и обратно, с трудом нося свой огромный живот, выпиравший, словно купол, между двумя частями раздельного купальника, – все эти люди явно приходились друг другу родственниками – родителями, бабушками и дедушками, детьми, внуками, двоюродными братьями и сестрами, – и все они одинаково оглушительно хохотали. Громко перекликались, перебрасывались восклицаниями и только им понятными фразами, иногда ссорились. Большое семейное сообщество, похожее на то, что было у меня в детстве, с такими же шутками, таким же притворством и злобными выходками.

Однажды, оторвавшись от книги, я подняла глаза и впервые увидела молоденькую женщину с ребенком. Они возвращались к себе под зонт после купания: мама, которой было не больше двадцати, шла, склонив голову, а

малютка лет трех-четырех, подняв личико, завороженно смотрела на нее, неся на руках куклу, словно младенца. Они спокойно беседовали – так, как будто вокруг них никого не было. Беременная женщина, сидевшая под зонтиком, что-то гневно выкрикнула в их сторону, а массивная седая дама лет пятидесяти, полностью, с ног до головы, одетая, вероятно, мать семейства, всем своим видом выразила недовольство – правда, я не поняла, что именно ей не понравилось. Но юная мама, казалось, ничего не видела и не слышала: она шла размеренным шагом, не отводя взгляда от дочки и оставляя на песке едва заметные следы.

Они тоже были членами этой большой шумной семьи, но мне, стороннему наблюдателю, молодая мать казалась чужеродным элементом, загадочным исключением из правила, как будто ее подменили еще в колыбели и окружающие, хоть и с трудом, но вынуждены с этим мириться. Все в ней привлекало внимание: и стройное тело, обтянутое со вкусом подобранным закрытым купальником, и изящная шея, и красивая форма головы, и длинные волнистые волосы, черные и блестящие, и интересное лицо с высокими индейскими скулами, четкими линиями бровей и слегка раскосыми глазами.

С тех пор я взяла в привычку время от времени наблюдать за ними.

В малышке было что-то странное, некое отклонение, не знаю какое именно, может, детская тревожность или скрытая болезнь. Ее лицо всегда было обращено к матери и выражало просьбу никогда ее не оставлять: это была молчаливая мольба без жалоб, без капризов, от которой мать не отмахивалась. Один раз я заметила, как нежно и тщательно она мазала дочку кремом от солнца. В другой раз обратила внимание на то, как они вместе медленно заходили в воду: мать держала дочку на руках, прижимая к себе, а та крепко обнимала ее за шею. Они смеялись, льнули друг к другу, терлись кончиками носов, брызгались, целовались и явно наслаждались этим. Как-то раз я наблюдала, как они играют с куклой. Они развлекались, увлеченно одевая ее, раздевая, изображая, что мажут ее кремом, потом купали игрушку в зеленом ведре, вытирали, чтобы она не простудилась, брали на руки и прижимали к себе, как будто кормя грудью, готовили кашу из песка, укладывали рядом с собой на полотенце загорать. Молодая женщина отличалась не только удивительной красотой – она и как мать вела себя по-особому: казалось, ей ничего не нужно, кроме ее ребенка.

Нельзя сказать, что они были совсем чужими в этом большом семейном сообществе. Она часто разговаривала с беременной женщиной, играла в карты с

дочерна загорелыми юношами, примерно ее ровесниками, вероятнее всего, тоже родственниками, сидела на берегу со старшим мужчиной (отцом?), тем, у которого было свирепое выражение лица, или с шумными молодыми женщинами (сестрами, кузинами, золовками?). Мне показалось, что среди мужчин нет никого, кто мог быть ее мужем и отцом малышки. Но я заметила, что все заботятся о ней и ее дочке. Седая пятидесятилетняя синьора ходила с ней в бар и покупала девочке мороженое. По одному слову юной мамы дети прекращали возню у воды и, немного попыхтев и пофыркав, отправлялись за водой, едой или еще чем-нибудь, что ей было нужно. Стоило только маме с дочкой сесть в маленькую красно-синюю лодочку и отплыть на несколько метров от кромки воды, как беременная женщина кричала: “Нина! Лен?! Нинетта! Лена!” – и бросалась на берег, тяжело дыша и поднимая по тревоге спасателя, который вскакивал на ноги, чтобы оценить ситуацию. Однажды к девушке приблизились двое парней и попытались пофлиртовать, но в дело тут же вмешались молодые родственники и принялись их бранить и толкать, так что едва не дошло до драки.

Какое-то время я гадала, кого из них – мать или дочь – зовут Нина, Нин?, Нинэ: имен было так много, что я, учитывая высокую частотность их употребления, вскоре совсем запуталась. Затем, вслушиваясь в голоса, восклицания, я сообразила, что Нина – это мать. С дочкой было сложнее, и я поначалу растерялась. Я решила, что у нее есть прозвище, что-то вроде Нани, Нена или Ненелла, но потом поняла, что это имя куклы, с которой малышка никогда не расставалась, а Нина обращалась так, словно та была живая, почти как вторая дочка. Имя девочки было Элена, Лен?, мать всегда звала ее Эленой, а родственники – Лену.

Не знаю, почему я отметила эти имена – Элена, Нани, Нена, Лену – в своей записной книжке: наверное, мне понравилось, как их произносит Нина. Она разговаривала с дочкой и ее куклой приятным голосом на неаполитанском диалекте, который я так люблю за его сладость и выразительность. Я была очарована. Мне всегда представлялось, что в языках скрыта некая тайная отрава, которая порой бродит и пенится и от которой нет противоядия. Я помню, как звучал диалект в устах моей матери, когда она сердилась и орала на нас и голос ее, искажаясь, терял обычное мелодичное звучание: “Никакого сладу с вами нет, никакого сладу!” Приказы, крики, оскорбления – все это тянуло из нее силы, по ее словам, мы истрепали ей все нервы, а боль, которую мы ей причиняем, лишила ее остатков самообладания. Раза два или три она угрожала нам, своим дочерям, что уйдет от нас: “Встанете утром – а меня нет, больше вы меня не увидите”. Я просыпалась каждый день, дрожа от страха. В

действительности так постоянно и происходило: она то и дело исчезала из дома, в полном соответствии со своими угрозами. А эта женщина, Нина, казалась такой спокойной, что я испытывала зависть.

Глава 5

Незаметно пролетела неделя отпуска, погода стояла хорошая, ветерок дул еле-еле, многие зонтики пустовали, к местному говору примешивались диалекты всех областей Италии и даже несколько иностранных языков, на которых говорили чужеземцы, приехавшие к морю понежиться на солнышке.

Затем наступила суббота, и на пляже стало многолюдно. В мою зону тени и света вторглись переносные холодильники, ведерки, совочки, складные кресла, надувные круги, ракетки. Я бросила читать и стала высматривать в скоплении людей Нину и Элену, чтобы хоть как-то скоротать время.

С трудом отыскав их, я обнаружила, что они перетащили лежак поближе к морю и поставили его всего в нескольких метрах от воды. Нина растянулась на животе, на солнце, а рядом с ней, как мне показалось, в такой же позе расположилась кукла. Девочка отправилась к воде с желтой пластиковой лейкой, наполнила ее и, с трудом держа обеими руками, фыркая и смеясь, стала поливать мать, чтобы та не перегрелась на солнце. Когда лейка опустела, девочка снова пошла к морю и принесла воду: тот же путь, тот же труд, та же игра.

Может, я плохо спала, а может, мне в голову, помимо моей воли, залетела некая дурная мысль, только при виде их я в то утро испытала неприятное чувство. Например, мне показалось, что Элена тупо, как заведенная, повторяет одни и те же движения: сперва поливает ноги матери, потом куклу, потом спрашивает у обеих, хватит или не хватит, а когда обе отвечают “нет”, разворачивается и снова шествует к воде. А Нина, по моему мнению, вела себя слишком жеманно: она говорила “мяу”, выражая удовольствие, потом снова мяукала, но на иной лад, как будто этот звук издавала кукла, затем вздыхала – и все повторялось снова. У меня возникло подозрение, что она играет роль молодой и красивой матери не из любви к дочери, а для зрителей, для публики на пляже, для всех нас – женщин и мужчин, молодых и пожилых.

Обе они – и Нина, и кукла – были обильно политы водой. Мокрое тело женщины блестело под солнцем, сверкающие струйки из лейки промочили ей волосы, и они плотно облепили ее затылок и лоб. Кукла Нани, или Ниле, или Нена, была облита с такой же тщательностью, только почти вся вода с нее стекала и на песке рядом с синим пластиковым лежаком образовалось влажное темное пятно.

Я смотрела, как девочка ходит туда-сюда, и… даже не знаю, что на меня нашло… может, виной всему были эти игры с лейкой, а может, вид Нины, лежащей на солнце и с удовольствием выставляющей себя напоказ. Или голоса, да, скорее всего голоса матери и дочери, когда они говорили за куклу. Они делали это по очереди, а один раз даже вместе, голосом ребенка, подражающего взрослому, и взрослого, подражающего ребенку. Они, наверное, представляли себе, будто это один и тот же голос, исходящий изо рта безмолвной игрушки. Но мне никак не удавалось разделить с ними эту иллюзию: их дуэт вызывал у меня нарастающее отвращение. Конечно, я находилась от них на приличном расстоянии и это был мой выбор – следить за их игрой или нет, если нужно просто как-нибудь убить время. Однако я чувствовала себя не в своей тарелке, как будто у меня на глазах совершалось нечто гадкое, как будто часть меня неведомо почему требовала, чтобы за куклу говорил только один голос, чтобы они наконец решили, чей он будет – матери или дочери, и перестали притворяться, будто обе говорят одним и тем же голоском.

Мое ощущение напоминало легкое недомогание, которое, если о нем все время думать, превращается в мучительную боль. Я начала сама себя раздражать. В какой-то момент у меня возникло желание встать, подойти к их лежаку и сказать: “Ну хватит! Не умеете играть, так не играйте!” Ради этого я даже выбралась из-под зонтика, потому что у меня больше не было сил это выносить. Разумеется, я ничего им не сказала и миновала их, глядя прямо перед собой. Я подумала: слишком жарко, к тому же я всегда терпеть не могла находиться в людных местах, где все звуки смешиваются и голоса становятся неразличимы. Наверное, в моей неврастении виноваты выходные и эта густая толпа на пляже, решила я и пошла побродить по воде вдоль берега.

Глава 6

Около полудня случилось кое-что новенькое. Я лежала в теньке и дремала, хотя из бара и доносилась громкая музыка, когда вдруг услышала, как беременная женщина зовет Нину таким голосом, словно собирается сообщить ей нечто невероятное.

Я открыла глаза и заметила, что молодая женщина взяла дочку на руки и с преувеличенной радостью принялась показывать на что-то или кого-то позади меня. Обернувшись, я увидела шагающего по деревянным мосткам плотного коренастого мужчину лет тридцати-сорока, с бритой головой, в облегающей черной майке, которая обтягивала нависающий над зелеными пляжными шортами тяжелый живот. Девчушка узнала его, покивала в знак приветствия, но нахмурилась и с нервным смешком уткнулась в шею матери. Мужчина не улыбнулся, только едва заметно махнул рукой. Лицо у него было красивое, взгляд цепкий. Он остановился, неторопливо поздоровался с управляющим и ласково хлопнул по плечу поспешно подбежавшего юношу-спасателя; следом за ним на пляж ввалилась веселая компания здоровенных мужиков в плавках: кто с рюкзаком на плече, кто с переносным холодильником, кто с тремя-четырьмя пакетами и свертками – подарками, судя по ленточкам и бантикам. Когда наконец мужчина спустился на пляж, Нина с малышкой на руках подошла к нему, преградив путь небольшой процессии. Он, по-прежнему серьезный и сдержанный, сначала взял Элену, которая обвила ручками его шею и несколько раз торопливо чмокнула в обе щеки, а потом обхватил ладонью затылок Нины, заставив ее слегка наклонить голову – она была как минимум на десять сантиметров выше его, – и небрежно поцеловал в губы, как бы демонстрируя свое право собственности.

Я догадалась, что это муж Нины и отец Элены. Среди неаполитанцев сразу возникло радостное оживление, они сгрудились вокруг девочки, и в конце концов это сборище уперлось в мой зонт. Я увидела, как ребенок разворачивает подарки, как Нина примеряет уродливую соломенную шляпу. Потом один из вновь прибывших показал на море: там появился белый катер. Пожилой мужчина с мрачным лицом, детишки, полная седая дама и остальные родственники ринулись гурьбой к воде, крича и размахивая руками в знак приветствия. Моторная лодка пересекла линию красных буйков, потом, осторожно огибая пловцов, миновала линию буйков белых и, не сбавляя скорости, пристала к берегу – прямо посреди плескавшихся в мелкой воде детей и стариков. Из лодки поспешно вылезли корпулентные мужчины с тусклыми лицами, раскормленные женщины, толстые дети. Все принялись обниматься, целовать друг друга в щеки, у Нины слетела шляпа, и ветер подхватил ее. По-прежнему держа на руках дочку, муж Нины, словно застывший на месте зверь, который тем не менее

решительно и молниеносно реагирует на малейшую опасность, поймал шляпу на лету, прежде чем она оказалась в воде, и вернул жене. Нина натянула ее получше, и шляпа вдруг показалась мне красивой, и я неведомо почему испытала чувство неловкости.

Поднялась невыразимая суматоха. Вновь прибывшим, очевидно, не понравилось, как расставлены зонтики. Муж Нины позвал Джино, пришел также и управляющий. Как я поняла, семейство и гости хотели расположиться все вместе, небольшим лагерем – лежаки, шезлонги, еда, дети, взрослые и приподнятое настроение. Оживленно жестикулируя, они показали в ту сторону, где сидела я – рядом со мной было два свободных зонтика; особенно старалась беременная женщина, которая, никого не дожидаясь, сама стала просить соседей перебраться немного подальше и переходила от одного зонтика к другому, совсем как в кинозале, когда кто-то просит тебя оказать любезность и пересесть на другое место, так что в результате весь ряд приходит в движение.

Возникла оживленная атмосфера. Те, кто купался, не жаждали выходить из воды и переезжать под другой зонтик, но маленькие и взрослые члены неаполитанского семейства взялись за дело с таким энтузиазмом, что в конце концов почти все едва ли не с охотой уступили им свое место.

Я открыла книгу, но мне не давали читать неприятные смешанные чувства, обострявшие восприятие звуков, цветов, запахов. Эти люди определенно раздражали меня. Я родилась и выросла в похожей среде, мои дяди, двоюродные братья и сестры, мой отец были такими же: они давили на вас своей сердечностью и радушием. Держались церемонно, были не в меру общительны, но любая их просьба звучала словно приказ, слегка смягченный притворным добродушием; если же они считали нужным, то не чурались грубых оскорблений и жестокости. Мать стыдилась плебейской натуры отца и его родственников, хотела отличаться от них и, живя в их мире, пыталась играть роль хорошо одетой благонравной синьоры. Но при первой же ссоре маска с нее слетала и она начинала вести себя ничем не лучше остальных – говорить на том же языке, проявлять такую же жестокость. Я наблюдала за ней с удивлением и разочарованием, обещала себе стать другой, но не такой другой, как она, а другой по-настоящему, и доказать ей, что надо было не пугать нас этими “вы никогда меня больше не увидите”, а или вправду измениться – или вправду не вернуться домой, бросив нас и уйдя навсегда. Как я страдала из-за нее и из-за себя самой, как мне было стыдно, что меня выносила и родила эта вечно недовольная особа! Подобные мысли среди поднявшейся на пляже кутерьмы

усилили мое раздражение, поведение этих людей приводило меня в бешенство с легкой примесью тревоги.

Тем временем передвижения почему-то застопорились. Небольшое семейство иностранцев не захотело покидать свой зонтик, и беременной женщине не удалось убедить их, не понимавших ее языка. Следом за ней с ними попытались договориться дети, потом мрачный пожилой мужчина – бесполезно. Затем я заметила, что они заговорили с Джино, а тот посмотрел в мою сторону. Юноша-спасатель и беременная женщина направились ко мне как парламентеры.

Молодой человек смущенно указал на иностранцев – отца, мать и двоих маленьких сыновей. Он сказал, что они немцы, и спросил, не говорю ли я по-немецки, а если да, то не могу ли выступить в роли переводчика, – а женщина, подталкивая его в спину круглым голым животом, который поддерживала одной рукой, добавила на диалекте, что они ее не понимают и что хорошо бы объяснить им, что нужно просто переехать под другой зонтик, только и всего, потому как родственники и друзья хотят сидеть все вместе: у них праздник.

Я холодно кивнула Джино и отправилась на переговоры с немцами, которые оказались голландцами. Чувствуя на себе взгляд Нины, я говорила громко и спокойно. С первых же слов у меня непонятно почему появилось желание продемонстрировать свои знания, так что убеждала я иностранцев, наслаждаясь собственной речью. Глава семьи сразу согласился, воцарилось взаимопонимание, и между голландцами и неаполитанцами возник дух братства. Возвращаясь к себе под зонтик, я намеренно прошла рядом с Ниной и впервые рассмотрела ее вблизи. Она показалась мне не такой красивой, не такой молодой; депиляция в зоне бикини была сделана небрежно, у девочки, которую она держала на руках, глаза покраснели и слезились, а на лбу блестели крупные капли пота, кукла выглядела уродливой и грязной. Я вернулась на свое место, на вид совершенно спокойная, а на самом деле до крайности взвинченная.

Я снова попыталась читать, но безуспешно. Думала не о том, что сказала голландцам, а о тоне, каким говорила с ними. Подозревала, что невольно стала глашатаем этого деспотичного безумия, что перевела на другой язык наглое требование этих плебеев. Я разозлилась на неаполитанцев, на саму себя. Поэтому когда беременная женщина со страдальческой гримасой указала на меня, повернувшись к детям, к мужчинам, к Джино, и тот крикнул: “Синьора, вы ведь тоже согласны перебраться под другой зонтик, да?” – я мрачно, с вызовом

ответила: “Мне и здесь хорошо. Извините, но у меня нет ни малейшего желания переезжать”.

Глава 7

Я ушла с пляжа, как обычно, на закате, напряженная, злая. Когда я отказалась пересесть под другой зонтик, беременная женщина принялась настаивать, повысив голос, потом пришел старик и стал увещевать меня, мол, ну что вам стоит, сегодня вы сделаете доброе дело нам, а завтра – мы вам.

Все это продолжалось несколько минут. Я собиралась твердо отказать им, но мне не давали вставить ни слова, и я только несколько раз отрицательно покачала головой; вопрос был закрыт, когда муж Нины, находившийся в отдалении, бросил резкую фразу, дав понять, что пора оставить синьору в покое, потому что все и так уже нормально разместились; они отступили; последним отошел от меня юноша-спасатель: пробормотал на ходу какие-то извинения и вернулся на свое место.

До конца дня я делала вид, что читаю. В действительности же до меня как будто через усилитель доносились голоса неаполитанцев, их возгласы и смех, и это мешало мне сосредоточиться. Они что-то праздновали, ели, пили, пели, словно считая, что они одни на этом пляже и что мы просто обязаны радоваться их веселью. Вместе с гостями на катере приехали всякие съестные припасы, так что на берег были в изобилии доставлены еда, вино, сладости, ликеры. Никто больше не взглянул в мою сторону, никто не бросил ни единого насмешливого слова. Только когда я оделась и начала собираться, будущая мамаша отделилась от клана и подошла ко мне. Она принесла блюдце с кусочком семифредо[1 - Семифредо – итальянский десерт из мороженого с орехами, шоколадом, фруктами или ягодами, обычно в форме торта, круглого или прямоугольного.] малинового цвета. – У меня день рождения, – сообщила она степенно.

Я взяла блюдце, хотя мне это было не по душе. – Поздравляю. И сколько же лет вам исполнилось? – Сорок два.

Я посмотрела на ее живот, на выпуклый пупок, напоминающий глаз. – У вас роскошный живот.

Она с довольным видом взглянула на меня. – Будет девочка. Все никак не получалось, а вот теперь случилось. – Сколько осталось? – Два месяца. Моя невестка сразу забеременела, а мне пришлось восемь лет ждать.

– Это случается тогда, когда должно случиться. Еще раз спасибо. Желаю вам всего самого лучшего.

Я попыталась вернуть ей блюдце, едва попробовав десерт, но она словно бы этого не заметила.

– У вас есть дети?

– Две дочери.

– Когда они у вас родились?

– Первая – когда мне было двадцать три.

– Уже большие.

– Одной двадцать четыре, другой двадцать два.

– Вы выглядите моложе. Моя невестка сказала, что вам наверняка не больше сорока.

– Мне почти сорок восемь.

– Везет вам. Вы так хорошо сохранились. Как вас зовут?

– Леда.

– Неда?

– Леда.

– А меня зовут Розария.

Я решительным жестом протянула ей блюдце, и она его забрала.

– Я вела себя немного резко, – неохотно признала я.

– От моря иногда никакой пользы, один вред. А может, вы беспокоитесь о дочерях?

– Дети всегда доставляют беспокойство.

Мы распрощались, и я заметила, что Нина смотрит на нас. В мрачном настроении я через сосновую рощу направилась к машине, чувствуя, что вела себя не лучшим образом. Ну что мне стоило перебраться под другой зонтик, как все остальные, даже голландцы? Но нет, я не пожелала. Ощущение превосходства, высокомерие. Попытка защитить свои праздные размышления, неискоренимое желание приучать людей к культуре. Какая чушь! Наблюдениям за Ниной я уделила столько времени лишь потому, что решила, будто мы с ней внешне похожи, а вот неказистую и простоватую Розарию я не удостоила даже взглядом. Сколько раз ее при мне окликали по имени, но я пропускала его мимо ушей. Она находилась за пределами моего любопытства – безымянная чужачка, которая так вульгарна в своей беременности. Весьма поверхностный взгляд. И зачем я ей сказала, что дети всегда доставляют беспокойство? Брякнуть такое женщине, которая вот-вот произведет на свет младенца, – вот ведь идиотизм! Вечно я ляпну что-нибудь свысока, что-нибудь скептическое или насмешливое. Как-то Бьянка крикнула мне сквозь слезы: “Тебе всегда кажется, что ты лучше всех!” А Марта сказала: “Зачем ты нас родила, если все время нами недовольна?” Обрывки слов, отдельные звуки. Он непременно приходит, тот момент, когда дети, разозлившись, бросают тебе в лицо: “Зачем ты нас родила?” Погрузившись в раздумья, я медленно брела по тропинке. Сосны окрасились в фиолетовый цвет, поднялся ветер. Я услышала сзади какой-то шум, похожий на шаги. Обернулась – никого.

Я пошла дальше. И тут что-то сильно ударило меня в спину, как будто туда бильярдным шаром запустили. Я вскрикнула от боли и неожиданности. У меня даже дыхание перехватило. Повернулась – и увидела нераскрытую сосновую шишку размером с кулак, катившуюся по земле. Сердце бешено колотилось, я энергично терла спину, чтобы унять боль. Прерывисто дыша, я вглядывалась в

ближайшие кусты; сосны у меня над головой качались от ветра.

Глава 8

Придя домой, я разделась и осмотрела себя в зеркало. Между лопатками красовалось синеватое пятно, похожее на рот, темный по краям и красноватый посередине. Я попыталась дотянуться до него пальцами, и мне стало больно. Изучив рубашку, я обнаружила клейкие пятнышки смолы.

Чтобы успокоиться, я решила отправиться в городок – погулять и где-нибудь поужинать. Интересно, откуда прилетела шишка? Я постаралась припомнить хоть что-нибудь, но без особого успеха. Даже не смогла сообразить, бросили эту шишку нарочно, из-за куста, или она просто упала с дерева. Внезапный удар – удивительное и болезненное испытание. Когда я представляла себе небо и сосны, шишка падала на меня сверху. Когда думала о зарослях кустарника, у меня перед глазами возникала горизонтальная линия – траектория летящей, словно снаряд, шишки, которая разрезает воздух и попадает мне в спину.

Улицу заполняла субботняя вечерняя толпа: обгоревшие на солнце люди, целые семейства – женщины, везущие коляски, скучающие или рассерженные отцы, юные обжимающиеся парочки, пожилые супруги, держащиеся за руки. Запах крема для загара смешивался с ароматами сахарной ваты и жареного миндаля. Боль, как раскаленный тлеющий уголек, застряла между лопатками, не позволяя думать ни о чем другом, кроме того, что со мной случилось.

Мне до смерти захотелось позвонить дочерям и рассказать о происшествии. Трубку взяла Марта и сразу же заговорила о том, какая она толстая, ужасно толстая. Судя по всему, она больше обычного боялась, что я перебью ее, задам какой-нибудь коварный вопрос, в чем-то упрекну или просто заставлю перейти с нарочито веселого, насмешливого тона на серьезный, – а значит, нам обеим придется задавать правдивые вопросы и давать правдивые ответы. Она подробно рассказала мне о вечеринке, на которую им с сестрой предстоит пойти, хотят они того или нет, – я толком не поняла, этим ли вечером или следующим. Отец тоже там будет, и еще его друзья, причем не только коллеги по университету, но и люди с телевидения, всякие важные персоны, перед которыми он хочет похвастаться, показать, что ему и пятидесяти нет, а у него

уже две взрослые дочери, хорошо воспитанные и красивые. Она говорила и говорила без умолку. Может, дело в климате? Канада, заявила она, – необитаемая страна, и не только зимой, но и летом. Она даже не спросила, как у меня дела, или может, спросила, да не дала мне ответить.

Она редко упоминала своего отца, но я между слов ощущала его присутствие. В разговорах с дочерями я всегда чувствовала какую-то недосказанность; порой это были отдельные слова, а иногда и целые фразы. Временами они на меня злятся, твердят:

“Мама, я никогда такого не говорила, ты все выдумала”. Но я ничего не выдумываю, мне достаточно их слушать: то, о чем они умалчивают, порой красноречивее сказанного. В тот вечер, пока Марта болтала, выливая на меня потоки слов, я на мгновение представила себе, что она еще не родилась. Не вышла из моего чрева, а растет себе в животе у другой женщины, например Розарии, и появится на свет с другой внешностью, с иными чувствами. Может быть, именно этого я втайне и желала – чтобы она не была моей дочерью. Она что-то торопливо рассказывала, там, на далеком континенте, говорила о волосах, которые придется долго мыть, потому что они плохо лежат, оттого что парикмахер их испортил, – а с такой изуродованной головой невозможно не только пойти на вечеринку, но даже нос из дома высунуть, так что придется, видно, Бьянке одной туда отправляться, ведь у нее-то волосы красивые. Она сказала это так, будто это я во всем виновата, будто я специально устроила так, чтобы она не была счастлива.

Обычное ее недовольство. Я вдруг поняла, что она пустая, да, пустая и нудная, что она слишком далеко от меня, от этой набережной, от этого вечера – и что я ее потеряла. Дочка продолжала жаловаться, а я тем временем мысленно взглянула сзади на свой ушиб и увидела толстую усталую Розарию. Она шла следом за мной по сосновому лесу в сопровождении банды маленьких родичей, потом присела, опустив на ляжки округлый, словно купол, живот, указала на меня и велела открыть огонь. Закончив разговор, я пожалела, что вообще позвонила. Почувствовала еще большее волнение, чем раньше, и у меня заколотилось сердце.

Следовало поесть, но рестораны были битком набиты, да к тому же одинокая женщина в ресторане в субботу – не самая любимая моя роль. И я решила перекусить в баре на первом этаже моего дома. Медленно добрела до него, заглянула за стекло прилавка. Там летали мухи. Я заказала два картофельных

крокета, рисовые шарики с мясом, пиво. Вяло поглощая еду, я услышала у себя за спиной голоса: старики играли в карты, негромко переговариваясь на чистейшем местном диалекте и посмеиваясь. Я увидела их краем глаза, когда входила, и теперь обернулась. За столом среди прочих игроков сидел Джованни, тот, кто встречал меня в день приезда; с тех пор я его не видела.

Он положил карты на стол и уселся рядом со мной у стойки, произнеся что-то банальное – как дела, хорошо ли я устроилась, нравится ли квартира, – так, всякие пустяки. Но говорил он со мной, постоянно улыбаясь с видом сообщника, даже если причин улыбаться у него не было, тем более что виделись мы с ним всего однажды, да и то лишь несколько минут, и потому я не понимала, с чего вдруг мы стали сообщниками. Он говорил приглушенным голосом, при каждом слове наклоняясь ко мне, дважды коснулся моей кисти кончиками пальцев, а один раз даже опустил мне на плечо свою руку, испещренную темными пятнышками. И в конце концов спросил меня почти что на ухо, чем он может быть мне полезен. Я заметила, что его приятели молча смотрят на меня, и почувствовала себя не в своей тарелке. Они были примерно его возраста, лет семидесяти, и, словно зрители в театре, недоверчиво наблюдали за невероятным сюжетом, разворачивающимся на сцене. Когда я покончила с ужином, Джованни сделал бармену какой-то знак, явно по поводу моего заказа, и тот отказался взять с меня деньги. Я поблагодарила Джованни, поспешно вышла из бара, провожаемая хриплым смехом игроков, и поняла, что этот человек, вероятно, хвастался перед приятелями близкими отношениями со мной, приезжей, и пытался представить доказательства, подражая манерам опытного дамского обольстителя.

Мне следовало бы рассердиться, но вместо этого я почувствовала себя намного лучше, даже подумала – а что если я вернусь в бар, сяду рядом с Джованни и стану всячески демонстрировать, будто заглядываю к нему в карты и участвую в игре, как блондинка из гангстерского боевика? Почему бы и нет? Старик он подтянутый, сухощавый, и волосы у него густые, правда, кожа в пятнах и глубоких морщинах да радужка пожелтела и зрачки чуть мутноваты. Он сыграл свою роль, а я могла бы сыграть свою. Я бы шептала что-нибудь ему на ухо, касалась грудью его плеча и, положив на него руку, следила за картами. Джованни наверняка был бы мне благодарен по гроб жизни.

Но вместо этого я ушла домой, уселась на террасе и принялась ждать, когда ко мне придет сон, а маяк тем временем мерно разрезал лучом ночь.

Глава 9

Всю ночь я не сомкнула глаз. Ушибленная спина пульсировала болью, отовсюду до самого рассвета доносилась громкая музыка, ревели машины, слышались возгласы и приветствия. Я лежала в кровати, и мне было не по себе от растущего ощущения, будто вся моя жизнь распадается на слои: Бьянка с Мартой, проблемы на работе, Нина, Элена, Розария, мои родители, муж Нины, книги, которые я читала, мой бывший муж Джанни. На рассвете внезапно наступила тишина, я уснула и проспала несколько часов.

Проснулась в одиннадцать, быстро собрала вещи, села за руль. Было воскресенье, очень жаркое воскресенье, машин набилось полным-полно, и я, с трудом отыскав место для парковки, очутилась в еще более густой, чем накануне, толпе нагруженных вещами молодых людей, стариков и детей, которые торопились по тропе через сосновый лес, толкаясь и напирая друг на друга, чтобы как можно скорее захватить место на песке поближе к морю.

Джино, занятому купальщиками, которые вливались на пляж непрерывным потоком, было не до меня, и он только коротко взмахнул рукой. Облачившись в купальник, я лежала в холодке, животом вверх, чтобы скрыть синяк на спине, и в темных очках, потому что у меня болела голова.

Пляж кишел людьми. Я поискала глазами Розарию, но не увидела ее, да и весь ее клан, казалось, потерялся в толпе. Однако, вглядевшись повнимательнее, я обнаружила Нину и ее мужа, которые шли вдоль линии берега.

На ней было синее бикини, и она снова показалась мне очень красивой, ее движения отличались естественным изяществом даже в ту минуту, когда она с негодованием что-то ему втолковывала. Мужчина, по пояс голый, с волосатой грудью, на которой красовался крест на золотой цепи, с бледной кожей, даже не порозовевшей на солнце, и – что показалось мне наиболее отталкивающим – с толстым брюхом, разделенным на две вздутые половины глубоким шрамом, идущим от сочленения ребер вниз, к штанам, был скуп на жесты и выглядел еще более приземистым, чем его сестра Розария.

Я обрадовалась, что с ними нет Элены: впервые я видела мать отдельно от дочери. Но потом заметила, что ребенок сидит в двух шагах от меня на песке на солнышке, в новой шляпе матери, и играет с куклой. Я обратила внимание на то, что глаза у девочки еще больше покраснели и что временами она кончиком языка слизывает сопли.

На кого она больше похожа? Теперь, когда я увидела и ее отца, мне показалось, что я могу различить в ней черты обоих родителей. Смотришь на малыша – и сразу начинаешь находить сходство, особенно если хочешь поскорее покончить с этой игрой, ограничив изыскания одними только родителями. На самом деле ребенок – всего лишь живая материя, некое создание из плоти, случайно возникший человеческий организм, один из многих в длинной цепи. Вся суть в конструировании – им занимается природа, да и культура тоже, а наука и вовсе руководит процессом, один лишь хаос неконструктивен – и в неодолимой тяге к воспроизводству. Я хотела Бьянку: желание завести ребенка порождается темным животным инстинктом и поддерживается общепринятыми представлениями. Она появилась у меня быстро, мне было двадцать три года, ее отец и я прилагали огромные усилия, чтобы остаться в университете, и она родилась в самый разгар этой борьбы. У него получилось остаться, а у меня – нет. Тело женщины проделывает множество разных дел: трудится, куда-то стремится, учится, выдумывает, изобретает, утомляется; груди тяжелеют, половые губы разбухают, плоть пульсирует вокруг новой жизни, и да, это твоя жизнь, однако сосредоточена она в особом месте, и она толкается, поворачивается, живет в твоем животе, радостная и тяжелая, дарящая наслаждение своей прожорливостью – и вместе с тем отвратительная, как присосавшееся к вене ядовитое насекомое.

Твоя жизнь пытается измениться. Бьянка была изгнана из чрева, вышла из него во внешний мир, но все вокруг, да и мы тоже, считали, что ей нельзя расти в одиночестве, что ей должны составить компанию брат или сестра. Поэтому вскоре после ее появления на свет я запрограммировала – да, именно так – вырастить у себя в животе еще и Марту.

И вот в двадцать пять лет я сделала это второй раз. У отца находилась масса причин разъезжать по всему свету. У него не было даже времени рассмотреть как следует, насколько удачными получились его копии, насколько удачно прошло воспроизводство. Едва взглянув на них, он восклицал с неподдельной нежностью: “Они так похожи на тебя!”. Джанни добрый человек, и наши дочери его очень любят. Он почти или совсем ими не занимался, но когда было

необходимо, делал все возможное, да и сейчас он тоже делает все, что в его силах. Детям это нравится. Если бы он был здесь, на пляже, то не лежал бы в шезлонге, а пошел играть с Эленой, потому что считал бы это своим долгом.

А вот я не считала. Взглянула на девочку, рассмотрела ее в целом, оценила отдельные черты, коими она была обязана своим предкам, и почувствовала нечто похожее на отвращение, хотя и не поняла, что именно его вызвало. Девочка играла с куклой. Она разговаривала с ней, но не как с облезлой игрушкой, у которой сквозь остатки белокурых волос просвечивала голая голова. Непонятно, какую роль играла сейчас эта кукла. Нани, обращалась она к ней, Нануччa, Наниккья, Ненелла. Она нежно ласкала ее. Целовала крепко, так крепко, что казалось, будто пробует оживить пластиковое тельце своим дыханием, теплым, трепетным, наполненным всей любовью, на какую она была способна. Целовала в обнаженную грудь, спину, живот – всюду, приоткрыв рот, как будто хотела ее съесть.

Я отвела взгляд: не смотреть же мне на детские игры. Но потом опять повернулась к девочке. Кукла Нани была некрасивая, старая, на лице и теле виднелись следы от шариковой ручки. Однако в тот момент ее наполняла жизненная сила. Теперь она уже сама исступленно целовала Элену. Девочка изо всех сил прижимала ее пластиковые губы к своим щекам, губам, к худенькой груди и выпуклому животу, прикладывала ее голову к своим зеленым трусикам. Малышка заметила, что я на нее смотрю. Она улыбнулась, подняв на меня мутный взгляд, и обеими руками засунула голову куклы себе между ног, крепко сжав ее обеими руками, как будто хотела раздавить. Всем известно, что дети играют в такие игры, когда пытаются что-то забыть. Я встала. Солнце палило так сильно, что я вся вспотела. Ни ветерка. На горизонте застыла серая дымка. Я отправилась купаться.

Лениво бултыхаясь в воде, я снова заметила Нину и ее мужа; они продолжали спорить. Нина против чего-то горячо возражала, он слушал. Потом мужчина, судя по всему, устал от потока слов и сказал ей что-то – твердо, но невозмутимо и тихо. Должно быть, он очень ее любит, подумала я. Он оставил жену у кромки воды и пошел поговорить с теми, кто приплыл накануне на катере. Очевидно, о них и был спор. По собственному опыту знаю, что так всегда и бывает: сначала веселье, друзья, родственники, вы всем рады, всех любите, потом начинаются стычки из-за слишком тесного общения, и внезапно дает о себе знать застарелая неприязнь. Нина больше не могла выносить гостей, вот ее муж и отправился их выгонять. Через некоторое время мужчины, раскормленные женщины и толстые

дети в беспорядке покинули зонтики и стали грузить вещи на катер, причем муж Нины взялся сам им помогать, чтобы они убрались поскорее. Расставаясь, все принялись обниматься и целоваться, но никто из гостей не подошел попрощаться с Ниной. Опустив голову, она ушла на другой конец пляжа, словно больше ни минуты не могла смотреть на них.

Я долго плавала, ожидая, пока поредеет воскресная толпа. Купание взбодрило меня, боль в спине почти утихла, по крайней мере, мне так показалось. Я не вылезала из воды до тех пор, пока не продрогла, а кончики пальцев не покрылись морщинками. Моя мать, когда замечала такое, криком выгоняла меня из воды. А увидев, что я стучу зубами, приходила в еще большую ярость, крепко хватала меня, укутывала с головы до пят в полотенце и растирала с такой силой, так энергично, что почти сдирала с меня кожу, и я не понимала, действительно ли она тревожится о моем здоровье или просто дает волю своему гневу.

Расстелив полотенце прямо на песке, я легла. Как же приятно погреться на теплом песочке после того, как прохладная вода остудила тело! Я бросила взгляд на то место, где недавно играла Элена. Там теперь осталась только кукла, валявшаяся в странной позе: у нее были широко раздвинуты ноги, а голова наполовину утонула в песке. Виднелись лишь один глаз, нос и половина макушки. Тепло убаюкало меня, и после бессонной ночи я задремала.

Глава 10

Не знаю, сколько я проспала, может, одну минуту, а может, десять, но в себя я пришла с трудом. Небо стало белесым от жары. Воздух был неподвижен, людей на пляже прибавилось, играла музыка, стоял гул голосов. Среди воскресной толпы мне сразу бросилась в глаза Нина – как будто она тайком послала мне призыв о помощи.

У нее что-то случилось. Она, медленно и неуверенно ступая, бродила между зонтиками; губы у нее шевелились. Она резко поворачивала голову то в одну сторону, то в другую, словно встревоженная птица. Я в недоумении спросила себя, что могло произойти, но с моего места мне ничего не было слышно, а затем она помчалась бегом к мужу, который лежал под зонтом.

Мужчина вскочил, огляделся. Мрачный старик взял его за руку, но тот вырвался, к нему подошла Розария. Все члены семьи, большие и маленькие, стали дружно, как по команде, осматриваться, а потом засуетились и разбрелись в разные стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Семифредо – итальянский десерт из мороженого с орехами, шоколадом, фруктами или ягодами, обычно в форме торта, круглого или прямоугольного.

Купить: https://tellnovel.com/elena-ferrante/neznakomaya-doch

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити